

„начальства“ — вбил крепкий осиновый кол в сугубую идею „единства русского народа“ отчего „плачу и скрежету зубов“ русских людей нет ни конца, ни края, ни предела...

— Перебезники! Изменники! — закричали в один голос „русские архиепископы“... — Зинкомые нам угрозы „большевицкого большинства“ — убить Казачество! Смерть Казачеству! — Прямо, как и китайцы или латыши в красном Кремле. Как нехристи...

И ведь сами еще — мыльный пузырь, плавающий на безбрежном, океанском просторе, а уже так ругаются... Можно ли после этого допустить, что „никакая российская власть после большевиков не будет угнетать Казачество?“ Нет. Нельзя. Какая бы „российская власть“ ни была в России, она ни за что не выпустит из своих ежовых рукавиц „казацкого авангарда“. Как же можно без „авангарда“ — то этого? Да еще такого „ручного“...

Но казак уже тезерь не пешка в руках „начальства“ (читай, русского народа). Он спасаясь сам через себя, уже претендует на свою собственную, Казачью Дорогу.

И пахнет тут „начальству“ не только „дерасствью“, а и действительно, „изменой“ („изменой русской“. По той же палке о „двух концах“...). Видите ли, когда „Белый Макар“ изменял себе, тогда эта измена (измена без конишек!) шла на укрепление мощи, „единства русского народа“, а когда Вольный Казак не захотел себе больше изменять и заговорил о „своей Дороге“, тогда это „единство русского народа“ нарушилось (опять все та же палка о „двух концах“. Одному — „единение“, а другому — „раз'единение“...).

Казачество в „единении“ с русским народом вполне тождественно с румынским „единением“ в их бывшем „венгерском единении“, с чешским „единением“ в бывшем их „австрийском единении“, с польским, финским, литонским „единением“ в их бывшем „русском единении“...

Каждый из этих ныне здравствующих народов своей самостоятельностью (а некоторые и своим спасения-

ем) обязан только себе. Этот наглядный пример да казацье право вполне оправдывают Вольного Казака в яссания своей собственной Казачьей Дороги к своему Казачьему Берегу.

Не надо Вольному Казаку „чужого единства“. У Вольного Казака должно быть свое „казацье единство“. В „единении — сила!“ Но только в „единении своем“, а не в „единении чужом“. В „чужом единении“ нет твоей силы. В „чужом единении“ — твое полнейшее бессилие, твой неизменный крах. Примеры — на нашей собственной слите...

Что же, собственно, сделал Вольный Казак, „выхрестившись“ из „Бедного Макара?“ Отрекся ли он от своего святого, продался ли он кому, изменил ли кому?... Нет. Ни одно, ни другое в ни третье. Он обрек, подобрал, нырнул из чужих рук обезличенного своего Бога и вдунул в его полубездыханную душу то, что сильнее смерти. Любовь. Любовь в свое святое, горячую любовь в свой Казачий Родимый Край. — „Тебя люблю, Родимый Край!“ — И только тебя! Сознал свое народное достоинство, и потому не изменил ни себе, ни кому-либо другому. Стал снова человеком, как в все, незнающие рабства, люди на свете.

За что же сердиться и ругать Вольного Казака? Ему следует только способствовать в его вновь обрященной любви к самому себе. И все те, кто любит сам себя, должны, если уж не любить, то, по крайней мере, уважать Вольного Казака...

В заключение, Вольный Казак (дело, так сказать, уж чисто семейное) обращается к тем казакам, которые до сих пор сохраняют свою „русскую незнимость“ в „русском единстве“. Хотелось бы, чтобы и они оставили „начальство“ и, прибегая к своему Казачьему Берегу, к своему „казацкому единству“, обрели таковое в своей ни от кого независимой Казачьей Семье. Имя обновленной, свободной Казачьей Семьи — Вольное Казачество (и по русским учебникам истории „казак“ значит — „вольный человек“...) Родимый Казачий Край — Вольная Казачья...

Санжа Балыков.

Этапы калмыцкой эмиграции.

Всего каких-нибудь двенадцать лет тому назад жизнь нашего народа представляла совершенно иную, сказочную картину в сравнении с настоящей. Богато и беспечно жил он тогда. Достаточно сказать, что хозяева, имевшие меньше десятка коров, пары лошадей и севашне 5 десятин хлеба, считались бедняками, достойными сожаления, которых было очень мало.

Хозяева, имевшие до 30-40 голов скота, от 4 до 6 лошадей, 2-3 пары быков и севашне от 20 до 40 десятин хлеба, считались средними, их было около 50% населения. А ведь были и такие крупные хозяева, которые имели по 100 голов лошадей, от 2 до 5 тысяч овец, много сотен голов рогатого скота, севашне от 200 до 400 десятин хлеба, имения которых назвались целыми хуторками с десятками и сотнями рабочих. И таких хозяйств у нас было не мало. Обнищавшие и обездоленные богачи эти и сейчас живы; одни из них в качестве простых рабочих рассеяны по французским наводам, другие собственноручно пьют френчи сербским солдатам, третьи пасут мужичий скот по хуторам Советской России, иные табуаки кирица на болгарских постройках; только некоторым удалось, в условиях большевицкого режима, нажать две три коровушки, одну лошаду, за что они зачислены в кулаки и лишены избирательных прав, а дети их исключены из школ. Это всем калмыкам известные, Тешены, Бакбушоны, Шавельяны, Сельдиноны, Калтыкалоны, Бурулдушоны, Титиньоны, Муманжиньоны и другие.

Почти также обстояло дело народного благосостояния и у калмыков Ставропольских и Астраханских. Правда, там бедняков встречалось больше, но зато были такие крупные хозяева, как Анжолов, Тюмени, Тулдутов, Бовлек, Шонтаев, Кармаков, Джама-гелюн и др.,

табуны которых иногда достигали до десятка тысяч голов.

Несколько быстро и к лучшему изменялся в прошлом быт и образ жизни калмыков, видоизменялись в духе времени и его взгляды на жизнь. Решительно и дружно приближался он к науке и культуре. Число окончивших единственную городскую школу в окружной станице Сяльского округа с каждым годом увеличивалось. При широкой материальной поддержке наших станичных обществ, в 1912 году открылась там же средняя школа и через два три года было уже в ней до сотни калмыцких детей, из которых, в последние годы, перед нашим уходом, многие были в старших классах и из них, в самом непродолжительном времени, должен был выйти новый кадр культурных деятелей.

Почти так же, если не лучше, обстояло дело народного образования и у Ставропольских калмыков, где все желавшие могли отдавать детей до средней школы включительно на общественный счет и оказывалась самая существенная помощь учащимся в высших учебных заведениях.

Если бы в те дни ктонибудь из наших бывших предсказателей, хотя бы даже сам знаменитый Салма, начал бы вещать, что в жизни калмыцкого народа, в ближайшем будущем, произойдут события, в результате которых он прольет дольки крови, обеднеет до нищеты, а тысячи его сынов очутятся в Западной Европе в качестве политических эмигрантов и пробудут там десятков лет, то такой предсказатель сразу потерял бы своих клеветников, как явно сляпанный с ума и потому несущий всякую чушь. Однако так суждено было случиться.

Первоначальный этап калмыцкого народа на пу-

тях к эмиграции нужно отнести к февралю 1919 года, когда перед наступающими красными частями, перед призраком надвигающихся бессудных расстрелов, насилий, надругательств и разорений мы, почти поголовно принуждены были сниматься с мест и, неважаря на предвесеннюю распутицу наших дорог, свирепствовавший тиф и оспу, на волах, лошадях, верблюдах, пешком, нагрузив весь домашний скарб, угоняя скот, покинуть Сальский округ.

К счастью, на этот раз, красная армия была задержана на Маныче, а потом разгромлена и отогнана обратно к Царицыну, а калмыки, задержавшись на Кубани, преимущественно в районе Кушевки, в половине апреля вернулись в свои разоренные станицы, сильно обеднев за этот короткий промежуток времени скотом и потеряв людей, умерших от болезней, благодаря нахождению под открытым небом, со всеми отсюда вытекающими условиями жизни и последствиями.

Так как все мужчины способные нести оружие были в полках на фронте, то борьбу за восстановление и поддержание разоренных хозяйств пришлось вести исключительно женщинам, малолеткам и старикам, безропотно, с удивительной энергией несли свой тяжкий крест.

Но и этот спокойный период продолжался не долго. В январе 1920 года наступил второй наш этап, когда за отступающими казачьими частями мы поголовно покинули наши станицы и, пройдя поистине страдальческий путь, полный физических и моральных лишений, путь отмеченный тысячами смертей, добрались до берегов Черного моря и, в большей своей массе попав здесь в плен к большевикам, в остальной части, около 10 тыс. чел. очутились в Крыму.

Так закончился второй этап нашего беженства, этап самый тяжкий, жертвы которого трудно учесть и по сие время.

Крушение армии Врангеля и эвакуация ее из Крыма начало собой новый этап. При чем в число эвакуировавшихся попало не больше одной трети из числа находившихся в Крыму, по той причине, что калмыки, для удешевления жизни распылившись по селам, по отдаленным от портов станциям в поисках труда и не ожидавшие такого скорого крушения фронта и такой стремительной эвакуации, не могли успеть на отходящие пароходы, а кроме того, и многие из поспевших не сумели попасть на погрузку, ибо их не пускали, не до них было.

Если условия сопровождавшие Врангелевскую эвакуацию были кошмарны для всех вообще, то для нас, калмыков, они были хуже вдвое потому что, мы, среди русских, везде и всегда, а в такие моменты и особенно, были пасынками, гражданами второго сорта, нужды и потребности которых можно удовлетворить и в последнюю очередь, в меньшем количестве, в меньшем размере и в худшем качестве.

Перечислять такие случаи было бы очень долго, да и не стоит, так как всем они понятны и известны. Жаловаться и обижаться не приходится, а нужно быть только самому сознательным и уметь отстаивать свои права.

Сравнительно хорошо, по крайней мере наравне с другими, чувствовали себя попавшие на пароходы с своим Запорожским полком, потому что с ним никто не мог позволять всего того, что позволяли по отношению к нашей, беззащитной, беженской массе. Наблюдательные калмыки могли здесь на деле убедиться в силе сплоченности и дружности. Помню, напр., такой случай: на миноносце, на котором выехали мы с командиром полка и частями второй и шестой сотни, между нашим молодым добровольцем Гончином Тепшиновым и одним матросом корабля завязалась ссора и матрос, без долгих разговоров, взмахнул было, чтобы дать по зубам "калмыченку", но он внезапно поблещел и рука его слабо опустилась, ибо Тепшинов успел вскинуть и щелкнуть затвором. Другие матросы было кинулись на поддержку товарища, но и они смущенно присмирели, видя, что и другие калмыки схватили винтовки, щелкнули затворами и вплотную придвинулись к месту спора. На этом мне удалось спор уладить.

— Гм... калмыки ваши молодцы, дружные — говорил вечером поручик Смиянов, служивший на этом миноносце в качестве матроса или машиниста, в крошечной каютке которого я ехал. С того инцидента отношение команды к калмыкам стало заметно предупредительнее.

Таким образом, с Врангелевской эвакуацией, на Константинопольскую набережную было выброшено больше трех тысяч калмыков, из них значительное число было перевезено в Сербию, небольшое число в Болгарию, а главная масса расселена по беженским лагерям в Турции, на содержания англичан и французов. Около десятка человек каким-то образом очутились в Греции, около тридцати человек оказались с интернированными казачьими полками в Польше.

Вот и вся калмыцкая эмиграция вышедшая за границу в 1920 году. В последующие годы она уже расселелась по разным странам, пока окончательно не осела в четырех, главным образом, странах.

Некоторые дети, встречающиеся теперь с именами Буюк, Байзет, Джумай, Банат, Тузла, Борис, Жан, указывают на места и страны, где они родились и где в те годы жили калмыки.

Вспоминать про жизнь в первые месяцы и даже в первый год нашей эмиграции тяжелая, неприятная, "длинная история"; кроме того, жизнь каждой части ее, живущей в разных странах, имеет свою историю, свои события. Поэтому в дальнейшем я буду говорить лишь о жизни той части эмиграции, которая была в Турции, где до 1923 года был и я.

Замечательными событиями в этом, третьем этапе нашего беженства в Турции явились: служба в обслугах частей Английского оккупационного корпуса по вольнонаемному контракту и начало воавращенства. При чем, последнее можно рассматривать, как отдельный, новый этап, так как оно развело, некоторым образом профильтровало беженскую массу, положило конец беженству и начало эмиграции.

Английская обслуга служба сперва, а потом служба и в караульном багальоне у англичан же явились теми благодетельными факторами, которые дали возможность калмыкам освободиться от полуголодного, нищенского существования в беженских лагерях.

Попало на службу всего около 400 человек, но и этого числа было достаточно, чтобы улучшилась жизнь Константинопольских беженцев вообще, так как присущая калмыкам традиция — помогать своим старичкам, родственникам и друзьям, широко здесь практиковалась.

Англичане в этом случае сыграли для нас и высшей степени хорошую роль, предоставив нам щедро оплачиваемую, далекую от эксплуататорства работу. С своей стороны и калмыки усердной и умелой работой заслужили полное удовлетворение англичан, да так, что русским больше года не было доступа на эту службу. Только русские переводчики всякими кривдами ухитрились под конец проводить своих, при всяком удобном и неудобном случае жалующихся на калмыков. Особенно отличился в этом отношении переводчик ремонтного эскадрона ротмистр Р., который драл с провинившихся калмыков и протезируемых или русских взятки деньгами и водкой.

Много было, курсов как на самой службе, так и до поступления на нее, например, с некоторыми нашими общественными деятелями, по это можно трогать только на страницах собственного калмыцкого органа, да и то при крайней необходимости этого делать.

Но особенно ярко запомнился мне один случай, который мы, калмыки, очень остро переживали тогда и который дал мне материал для дум и размышлений. В 121 конном транспорте английской армии, корпуса связи, нас, вольнонаемных драйверов, калмыков и русских, было душ 120, человек по 60 тех и других. Однажды в столовом бараке, во время обеда, вспыхнула ссора между калмыком Кутушовым и ротмистром К. из за места за столом; ссора эта превратилась в грандиозную драку обеих "наций" нашего транспорта. Ей предшествовал приблизительно такой диалог:

— Ну-ка, встань кундук, это место мое, я его занял и ишел за супом.

— Мне никто не сказал, что это место занято, я сел на свободное место и я не истану.

— Встать!.. тебе говорят!..

— Чего ты кричишь, меня не испугаешь.

— Не смей тыкать!.. с кем ты разговариваешь!.. я... ротмистр К.!

— Наплевать на твоего ротмистра, я — подхорунжий Кутушов.

В столовой, гудевшей гомоном сотни голосов, мгновенно воцарилась напряженная тишина, и русские и калмыки перестали есть, многие побледнели. Не успели мы, „формана“, принять меры, как К. дико взревел:

— Молчать!!! и гуг же взмахнул рукой. В ответ ему Кутушов отвесил звонкую пощечину.

Все вскочили с мест, кинулись в кучу и сразу дрались уже в трех-четыре местах. Полетели запыленные кофелки, полные супа и пустые, затрещали стулья, там и сям блеснули ножи, вилки, появились окровавленные.

Но не долго продолжалась драка. Вдруг раздалось дружное „ур-ра! Зюнгарцы, у-р-р-р-а-а!!!“ и, через минуту-две, русские были выбиты из барака и рассеяны по двору. Мне стоило большого напряжения, чтобы не кинуться в свалку, только сознание ответственности, как старшего, удержало меня.

— Спасибо, Зюнгарцы! — не выдержал я, когда русские покинули столовую.

— Рады стараться г. сотник! — весело отвечали ребята по привычке. Должен сознаться, что ни один победный бой с красными на Дону, ни одна удачная атака нашего полка в Таврии не радовали меня так, как эта победа в драке, где была затронута национальная струнка.

Но этой победе поспособствовали казаки, которых было человек 20 и, как на подбор, ребята ядреные; каждая сторона их сочла на своей, но в момент драки они стали держать строгий нейтралитет и тем ослабили силы русских, десятков осетин, наоборот, дрались на стороне русских.

— Вот вы говорили, что казаки — самые близкие нам люди, а вот в драке не стали на нашу сторону — спрашивал меня вечером того же дня Н. Манжиков.

— Но зато они и не стали на сторону русских — отвечал ему другой Манжиков Б.

— Что это значит, — раздался и это время голос в бараке русских, — казачки не стали за нас в драке с калмыками.

— Они не только не стали за нас, но даже я видел, некоторые подбадривали калмыков, — отвечал ему другой голос.

— Да и так вообще, они с калмыками ладят больше, чем с нами, тут с нами ни одного казака нет, все они по калмыцким баракам, а Сиротин и Антонов, так и коняну жрут, — говорил третий.

В тот же день два русских переводчика Дзени и Швадченко постарались доложить об этой драке по начальству и при этом осветили ее не как приступ драку, против которой англичане вообще ничего не имеют, а как политическое выступление калмыков против русских офицеров, намекнув про большевизм, анархизм. Таких вещей в английской армии боятся больше всего и майор обратил на это серьезное внимание. По указанию тех же переводчиков пяти-шести калмыкам, как начинщикам грозило увольнение с предварительным сидением за проволокой.

Видя, какой оборот принимает это дело, третий переводчик — казак, полковник Сергей Петрович Поляков, пошел к майору и объективным изложением потушил дело. Полковник Поляков пользовался большим уважением, как англичан, так и драйверов. За этот справедливый поступок калмыки еще больше полюбили Полякова и за ним еще теснее сблизились с казаками.

Так незначительный, частный случай, на моих глазах, сблизил чуждого представителя двух народов лучше, чем годы совместной войны с большевиками, в которой им буквально приходилось лить вместе кровь, не говоря уже о двухсотлетней совместной жизни.

Возвращение началось среди калмыков весной и продолжалось летом 1923 года, именно с того момента, когда начали ходить слухи об уходе англичан из Турции,

а большевики объявили калмыкам общую амнистию и бесплатную перевозку. Оно увеличилось еще больше, когда англичане начали действительно уходить. В течение двух месяцев пароходы несколько раз доставляли в порты Повороссийски и Одессу сотни возвращенцев.

Нужно заметить, что сознательного притяжения большевизма среди возвращающихся калмыков не было. Одни ехали изверившись в „белое“ дело, другие истосковавшись по оставшимся семьям, по родному очагу, некоторые получив сведения, что у него там сохранялись остатки хозяйства, а иные просто боясь, что по уходе англичан, начнется опять безработица полуголодное существование на чужбине.

Конечно, дело не обошлось при этом без услуг некоторых любителей подзаработать путем посредничества между торгпредством и калмыками, получая мзду и от первых и вторых, как, например, Чоннов, Укиннов, Бурбеджалов.

Но все же, в свое утешение, нужно не забывать, что таких элементов среди нас было и есть мало. В этом залог того, что понятие о чести и совести еще крепко сидит в душах большинства наших собратьев.

Таким образом, возвращенство, достигшее своего апогея к осени 1923 года, к 24 году постепенно затихает и теперь лишь изредка, компаниями по два-три человека, можно наблюдать случаи возвращения, несмотря на самые соблазнительные посулы К. про жизнь тамашников. Наблюдается одно интересное явление: если в 1923 году возвращались в большинстве случаев люди пожилые, а молодежь преимущественно воздерживалась, то теперь возвращаются чаще молодые и как причину возвращения часто слышишь: „Нет женщин, жизнь погибает, пора жениться, вот и еду“.

Надо заметить, что калмыки очень неохотно женятся на европейках, считая их неподходящими хозяйками и случаи таковых браков действительно редки и часто, в таких случаях, дело кончается разводом.

После 1923 года калмыцкое бегенство вступает в четвертый этап в состоянии длительного пребывания за границей. Оно начинает искать возможности прочного устройства, расселяется по Европейским странам, переходит в эмиграцию.

Теперьшнее нахождение калмыков в эмиграции, если оно отчасти зависит от неохотного допущения в Советскую Россию и не хороших сведений про жизнь тамашников из писем оттуда, но, главным образом оно обуславливается уже и сознательным пребыванием в силу отречения большевизма, коммунистической диктатуры.

К наступающему 1930 г. калмыцкая эмиграция насчитывает больше тысячи человек, расселенных главным образом по Франции, Сербии, Чехии и Болгарии. Количество душ в каждой из этих стран может быть выражено соотношением — 5 : 3 : 1 : 1, в порядке их расположения.

Устроены они по разнообразным видам и отраслям труда, но главное занятие калмыков во Франции — фабрично-заводская работа, сельско-хозяйственная работа на фермах и работа на шахтах; в Сербии — извозный промысел, шитье и редко работа на постройках; в Болгарии почти исключительно работа на постройках, которую с трудом находят, и единичные устройства погонщикам и грузовых явочников, на табачных фабриках, на бойнях; в Чехии небольшое число работает рабочими у седлаков (фермеров), несколько человек работают на постройках в районе Праги, но главная масса здешних калмыков состоит из учащейся молодежи в гимназии и высших учебных заведениях и из небольшого числа общественных деятелей, составляющих Калмыцкую комиссию культурных работников, трудами которой образована здешняя учащаяся Калмыцкая колония и сделано много других культурных работ по возрождению своего языка, литературы, по образованию нового кадра культурных деятелей, а также, отчасти, и по сохранению старых.

За десять лет эмигрантской жизни возникало и исчезало много общественных организаций, не оставляя после себя никаких заметных следов. Упомянутая Калмыцкая комиссия культурных работников и Правление калмыцкой колонии в Белграде являются в этом отношении исключениями.

В этом году, (1929) в Сербии, трудами Правления колонии, при дружной поддержке всей калмыцкой эмиграции, друзей и покровителей его сербов, русских, казаков, на земле и на материалах подаренных колонии сербом Ячичевичем, заканчивается постройка Буддийского храма со школой при нем.

Этот первый Буддийский храм в Западной Европе, безусловно имеет большое психологическое значение для Калмыцкой эмиграции. Это явление убедительно показывает, что калмыцкая эмиграция перестала следить „на чемоданах“ и начинает думать и заботиться о своих духовных потребностях. Кроме того храм этот останется добрым памятником пребывания калмыков в эмиграции.

Теперь напрашивается вопрос: Что же дальше?.. Какой еще этап нам предстоит?.. Нужно полагать, что если калмыки не сумеют найти более лучшего, массо-

вого устройства на привычных и понятных ему работах, то настоящее его положение, несмотря на все ее неприглядности, будет продолжительно и однообразно. Частичная реэвакуация при таком положении все же будет продолжаться, но теперь, можно надеяться, что многие из нас дождутся возвращения на родину при иных политических условиях там, ибо выработалась сноровка к здешним условиям жизни, втянулись в работу, а главное, умеют разбираться и критически относиться к сведениям о положении на родине, теперь уже никто не говорит, что „не расстреливают, ну и хорошо“.

Итак, если мы не воспользуемся возможностью массового переселения и устройства в Перу, по примеру казаков, то настоящее положение есть предпоследний этап; возвращение на родину при новых политических условиях будет последним этапом в жизни калмыцкой эмиграции.

А. А. Гейман.

Как жили на Кубани „иногородние“.

Предстояло ехать из ст. Каменнобродской в ст. Сивилевскую. Всего 18 верст степью.

Был мороз градусов 10—12, но дул встречный, пока еще не сильный ветер. Это тот самый ветер, который, срываясь с Каспийского моря, с С. В., с ожесточением проносится над всей правобережной Кубанской равниной и, весной и осенью, выдувает на землю все посевы, так что часто приходится пересевать озимое и яровое, а зимою иногда заметает в степи все дороги, наметает огромные сугробы снега, загоняет на верную гибель неосторожно выгнанные в степь ранней весной табуны лошадей, многочисленные стада скота и многотысячные отары овец.

Чаще всего это бывает в начале марта. Уже проросла в степи травка. Дороги попруветрились. С утра ясный теплый день. Жители выгнали в степь застоявшийся за зиму скот и табуны. Возы потянулись в степь за сеном и соломой. Но вот часов в 10 небо посерело, подует и ветерок, хотя северо-восточный, но еще теплый.

Откуда не возьмись снег... Крупными, мягкими хлопьями падает он с неба; все чаще и чаще, все гуще и гуще и вот сорвался „скаженный“, как его казаки звали. Завыл, закрутил, смешал и замутил все. Небо и земля — все одинаково тогда в густой мгле. Температура сильно падает, глубоко ниже нуля.

Горе тогда и людям и животным в степи! Весь день и ночь гудит тогда на станичной колокольне самый большой колокол, чтобы хотя этим способом дать направление заблудившимся людям и животным и спасти их от верной гибели. Конные разъезды во множестве высланы из станиц, но часто напрасно: или быки сами привезут померзших и заваленных снегом людей, или разъезды находят в сугробах снега только торчащие вверх рожки замерзших в запряжке быков и их владельцев ни вверху, ни внизу, или под ним, также замерзших.

Так беснуется метель дня два — три, а потом снова выкатит ясно и ярко, смехом и радостью своей злой шутке весенней, теплое солнце при полной тишине и безветрии, над покрытой белым саваном степью, а под его покровом — мертвецами...

Подали прекрасную тройку в удобных, глубоких санях, только вот ямщик на козлах, уж очень не соответствовал ни запряжке, ни погоде. Из всех швов его затасканного полушубка виднелась красная, пумачевая рубаха, а валенки на ногах на пятках и носках обнаруживали — сквозь дыры — грязные портянки.

Э... паренек — отнесся я к нему. — что-то ты легко оделся, не по погоде. Смотри, мороз все крепчает, да и ветер будет встречный.

— Пичаю — мы привычная.

— Да ты из каких будешь?

— Мы Тамбовская... у нас зима крепче вашей будет...

Поехали. Версты две ямщик мой сидел исправно на козлах, но вот соскочил и, держась одной рукой за поручни козел, побежал, поспевая за идущей рысью тройкой. Грется... — подумал я.

Сначала мой „привычная“ все чаще и чаще „грелся“, но вот и перестал. Проехали уже с пол-пути. И... ямщик повалился канзничь в сани, головой ко мне в ноги, а дырявые валенки поднялись высоко над козлами. Лицо его было совершенно синее.

Размышлять было некогда. Я свалил ямщика на дно саней, сорвал с него палеши и выбросил их на снег, снял с себя волчий козук, в котором обычно ездил зимой, обернул в него ямщика, подоткнул тулуп далеко под него со всех сторон, вокруг всего тела. Сел на него, для удобства управления лошадьми, схватил возжи, ударил кнутом по всем трем. Тройка равнула и всячь понесла по дороге. Ветер свистел в ушах, и до костей пронизывал легкий, на беличьем меху бешметик, в котором я остался и надо было уже думать и о собственном спасении.

Я гнал лошадей. День был брадничный и народ шел из церкви, когда я вскочил в станицу. Необычайное зрелище, конечно, привлекло всеобщее внимание. Но привычные лошади доскакали к станичному правлению и остановились. Коренная зашаталась и грохнулась, мертвая, на снег. Я выскочил и, спасаясь в правление от мороза, набегу приказал побежавшему дежурному выгружать замерзшего ямщика и отвязать и спасать загнанных пристяжных.

Вот внесли в правление ямщика. Распаковали его. И что же! Пар валил от него и его раскрасневшего и даже вспотевшего сонного лица! Так за час скачки согрел его мой тяжелый козук и тяжесть моего тела, когда я всю половину дороги сидел верхом на нем! Удивленно, ахам и охам, а потом и смеху и шуткам не было конца, когда растерянная фигура „пострадавшего“ предстала сбегавшемуся народу.

Что бы не отвечать за лавшего коренника и загнанных пристяжных, я приказал атаману составить протокол, сделал свои дела и уехал дальше.

Прошло 25 лет. Уже не задолго до великой войны — мне случилось быть в тех же местах. Я приехал на Кармалиновские хутора. Теперь эти хутора, подобно таким-же другим, переименованы в станицу.

Если станичный земельный надел (юрт) тянется узкой полосой по реке, то дальние пайки казацкие иногда отстоят от станицы на 25 и более верст и у хозяев этих много тратится как времени, так и сил на переезды для их обработки, а потом на перевозку добытых на пайке хлебов и соломы, а по этому в таких станицах обычно часто (обычно самых лучших хозяев и землеробов) с согласия общества, выселяется на хутора, где получает пайки уже или навсегда или на многие годы. Строятся там и образуют поселение в 300—400 дворов. Строят свою церковь, школу и правление и